

ПРОТЕСТ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А. О. Столяров

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 января 2016 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме политического протеста, его особенностям и влиянию на политическое развитие. Автор раскрывает специфику функций политического протеста в современном обществе и формулирует те общие принципы, которые позволят адекватно его интерпретировать и прогнозировать тенденции его дальнейшего развития, а также указывает на то, что лишь определенные виды политического протеста оказывают позитивное воздействие на функционирование политической системы.

Ключевые слова: политический протест, политическая система, политическое развитие, власть, общество, оппозиция, протестное движение.

Abstract: this paper is focused on the issue of political protest, its specifics and its influence on political development. The author characterizes specifics of functions of political protest in the modern society and formulates general principles which sufficiently help to interpret and forecast the further development, and specifies that only definite types of political protest have a positive influence on functioning of political system.

Key words: political protest, political system, political development, power, society, opposition, protest movement.

Проблематика политического протеста все чаще привлекает внимание исследователей. Актуальность данной темы обусловлена, во-первых, участвующим использованием различных протестных практик в политическом пространстве. Во-вторых, политические протесты реализуются в новых формах, которые остаются недостаточно исследованными в теоретическом плане. В то же время представляется актуальным определение влияния политических протестов на развитие политической системы и ее стабильность.

Протест присутствует в любой системе политических отношений, сопровождает развитие любого политического режима, поскольку всякое изменение форм и методов проводимой властью политики неизбежно влияет на особенности проявления политического протеста. Характер и динамика политического протеста зависят от многих факторов: типа политического режима; социально-экономического развития страны; задач, решаемых государством; уровня политической культуры; социального состава организаторов, участников и сторонников протеста, а также интересов, к реализации которых они стремятся.

Традиционно политический протест как явление рассматривается в рамках теории политического участия. Как отмечает российская исследовательница Е. В. Ефанова, «протест – это политическое поведение, форма участия личности и/или общности в осуществлении политической власти, защите своих

политических интересов через действие или бездействие» [1].

Нельзя не согласиться с тем, что политический протест является своеобразным наполнением отдельных форм политического участия. Однако влияние протеста на уровень стабильности политического участия оценивается учеными с различных позиций. Распространена позиция, предложенная такими исследователями, как В. В. Сафронов и И. А. Савченко, в соответствии с которой протестные формы участия иногда могут ассоциироваться с неконвенциональными, т.е. теми, которые оказывают дестабилизирующее воздействие на политическую систему [2]. При этом нужно отметить, что дестабилизирующий характер протест приобретает в жесткой системе, нетерпимой к любым попыткам что-то изменить.

В этом случае протесты могут приобретать опасный для системы характер и замедлять политическое развитие. Наиболее ярко это проявляется, когда общество не готово к изменениям и они происходят слишком стремительно. Очевидно, что наиболее опасными для стабильности политической системы являются протесты, имеющие деструктивный и длительный характер. Примером может являться ситуация в Сирии, где так называемая Арабская весна инициировала протесты, перешедшие затем в гражданскую войну. Основной ее причиной указанные авторы считают такие хронические старые проблемы Сирии, как длительное недовольство населения социально-политической системой, авторитарным правлением президента страны Башара Асада, в част-

ности, и доминированием представителей алавитов во властных и военных структурах – в целом, коррупция высших эшелонов власти, религиозные противоречия, курдская проблема и другие давно назревшие нерешенные вопросы.

Представляется важным отметить, что даже из незначительных на первый взгляд конфликтов на микроуровне могут возникать масштабные протесты на макроуровне. Одинаково небезопасны как явные, так и латентные конфликты: последние в силу скрытости и, как следствие, слабой управляемости. К значительной политической нестабильности приводят насильственные конфликты, решаемые путем вмешательства вооруженных сил. Таковыми могут являться этнополитические конфликты. В отношении вероятности приобретения конфликтом насильственного характера определенной известностью пользуется позиция Т. Гарра, который в своей работе «Этнический конфликт в мировой политике» обозначил несколько универсальных признаков, свидетельствующих о готовности этнического меньшинства начать вооруженную борьбу. Это требование большей автономии, существование в прошлом собственного государства, высокая организованность этнической группы, наличие развитой инфраструктуры, благоприятная демографическая ситуация, опыт борьбы за независимость в прошлом [3]. Этнополитические конфликты нередко приобретают религиозную окраску, провоцируя тем самым религиозные конфликты. Это происходит в силу онтологической взаимосвязи этноса и религии. Российский исследователь М. Ю. Зеленков указывает, что «зачастую принадлежность к тому или иному этносу отождествляется с принадлежностью к конфессиональной общине, что позволяет говорить о глубокой взаимосвязи этнического и конфессионального противостояния. Межконфессиональные противоречия сами по себе никогда или почти никогда не были причиной локальных конфликтов (даже за религиозными войнами, в том числе крестовыми походами, стояли иные, более конкретные и земные причины, нежели религиозная нетерпимость, поэтому ее роль не следует преувеличивать). Но, даже будучи изначально вторичным, конфессиональный фактор может в ходе развития конфликта превращаться в один из главных» [4].

Предпосылки религиозных конфликтов имеются практически в любом регионе с полиэтничным составом населения, где в силу различных причин отношения между конфессиями отличаются достаточно высоким уровнем напряженности. Причем там, где линии этнических «разломов» совпадают или пересекаются с конфессиональными, эта напряженность приобретает отчетливо этнорелигиозный характер. При этом возникновение религиозных конфликтов объясняется действием четырех факторов:

наличием «структурных» и «антиструктурных» тенденций в развитии любой системы общества; мерой совпадения или несовпадения границ государства, этноса и вероисповедания; влиянием процессов, происходящих в социуме, на религиозную подсистему; спецификой самих религиозных отношений.

Но нельзя не отметить и конструктивную роль политических протестов. Во-первых, политические протесты являются стимулятором социально-политических изменений, способом обнаружения и фиксации назревших противоречий и проблем в обществе. Тем самым они дают сигнал о неблагополучии в социуме, вскрывая причины неудовлетворенности и противостояния индивидов и социальных групп. Каждая протестная акция – это своего рода сигнал на необходимость принятия политических решений, неотложных мер к устранению причин напряженности в обществе, к изучению факторов, породивших протестную активность. Как отмечает Л. И. Никовская, конфликтное противостояние «протестующей улицы» и власти вскрывают более глубокие процессы и разломы, которые сопровождают современное развитие. Ярким примером является протестная волна 2011–2012 гг., которая началась с массовых выступлений на Болотной площади в Москве. С одной стороны, выдвигалось требование радикального расширения публичного пространства выработки и реализации государственных решений, сопровождающееся кризисом легитимности не только авторитаризма, но и демократической репрезентации, с другой – это была реальная угроза для власти, а следовательно, необходим был поиск такого политического порядка, который бы обеспечивался не столько институциональной определенностью, сколько сопряженностью ответственных заявлений и действий [5].

Протесты отражают потребности, интересы и устремления людей, выявляют причины неудовлетворенности, что в спокойной обстановке скрывается за привычными нормами поведения. В состоянии протеста власти могли бы выявить существование объективных проблем и противоречий общественного развития. Функцией политического протеста является его способность создавать условия политического и гражданского становления личности. В некотором смысле среда политического протеста – это своего рода школа формирования политических навыков и умений, развития способностей и профессиональных политических качеств, т.е. политической социализации. На основе анализа функций политического протеста отмечается, что определение и характеристика основных его функций подтверждают вывод о том, что вне политического протеста в той или иной форме политическое развитие как реальный процесс не существует. Анализ функций политического протеста показывает содержащийся в нем де-

мократический потенциал, что особенно важно в современных условиях [6].

Политический протест обладает динамической функцией. В марксистских определениях верно подмечена общая способность политического протеста более быстрыми темпами двигать общественное развитие и осуществлять социальные перемены. Размеренное, плавное течение социальной жизни, где радикальные преобразования вообще отсутствуют, а незначительные изменения не затрагивают существа проблем, разворачивается во времени медленно, как бы нехотя. Но стоит в той или иной форме проявиться протестному действию, как все приходит в движение. Привычные нормы поведения и деятельности, годами удовлетворявшие людей, отбрасываются с удивительной решимостью и без всякого сожаления. Под ударами протестных акций общество может преобразиться до неузнаваемости, как в положительном, так и отрицательном значении [7]. Опыт протестных действий декабря 2011 – начала 2012 г. продемонстрировал, что протестная активность – эффективный способ для инициирования конструктивных действий со стороны органов власти, таких как, например, законодательные инициативы Президента Дмитрия Медведева о возвращении к практике голосования по одномандатным округам на выборах депутатов высшего законодательного органа РФ и возвращении прямых выборов глав регионов. В общественном сознании все прочнее закрепляется цепочка «проблема – протест – общественное внимание–действия властей».

Кроме того, необходимо отметить, что для гражданского общества органической нормой являются диалоговый режим общения, партнерство и отношения сотрудничества, многомерность восприятия проблемы и, соответственно, многомерность ее решения (с учетом экономических, экологических, культурных и прочих аспектов), открытость потоков информации и публичность своей позиции, соревновательность интересов, поливариантность ролей и целей и примат горизонтальных, кооперативных связей над вертикальными.

В силу этого между гражданским обществом и государством имманентно присутствует так называемый протоконфликт, который является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений контролировать действия правящей государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти. Здесь внутренняя конфликтность должна использоваться в качестве генеральной социально-конструктивной силы всей общественной жизни. С ее помощью блокируется стремление государства (а точнее, сил, монополизирующих государство) свести многомер-

ность и поливариантность целостного социума к одному – политическому – измерению, уничтожить разнообразие социальных структур и институтов, деперсонализировать личность. Следовательно, функционально понимаемая конфликтность во взаимоотношениях между гражданским обществом и государством является необходимым элементом социальной динамики и неустранимым условием оптимизации и самосовершенствования всей социальной системы. Характер, качество, тип и направленность этого взаимодействия могут быть описаны континуумом «конфронтация – игнорирование – партнерство». Те образования гражданского общества, которые вступают в силовую конфронтацию с государством, представляют деструктивную конфликтность, создают напряжения и противоречия разрушительного толка, тормозят общественную динамику и позитивные преобразования (хотя при этом они не перестают быть элементами гражданского общества). Те же структуры гражданского общества, которые вступают в партнерские взаимоотношения с государством, работают на взаимоусиление, оптимизируют общественное развитие, ведут его к позитивному исходу. Однако есть и другая сторона: государство должно демонстрировать готовность к совместному решению проблем. Степень функциональной конфликтности может быть выражена по-разному у различных сегментов гражданского общества: от максимально близкой к противостоянию и противоборству у представителей правозащитных и экологических объединений (сюда же, как показывает практика, попадают так называемые «однопроблемные движения») до взвешенного компромисса у социально ориентированных организаций и полного сотрудничества у политически-заинтересованных общественных объединений.

Для анализа протестных настроений в современном российском обществе также может быть особенно интересна концепция К. Боулдинга, где конфликт рассматривается как характерная черта любого процесса и любой среды в обществе. Причина протестов, которые могут привести к конфликтам, по Боулдингу, лежит в раздвоенности человеческого сознания. Таким образом, Боулдинг выделяет два элемента: явный, открытый элемент, который человек осознает по отношению к себе и миру, и скрытый элемент, который прячет. Этот последний подразделяется на две части: сознательно скрываемую и бессознательно скрываемую. Боулдинг считает, что всякая общественная борьба – это всего лишь проявление противоречий в сфере сознательного и бессознательного. Например, Боулдинг видел причину индустриального конфликта (между рабочими и буржуазией) в противоположности идейно-психологических установок, решением которого служит установление взаимопонимания,

налаживание постоянной коммуникации и совместный поиск решения проблем [8].

Крайне важно обратить внимание на труды главного функционалиста Л. Козера. Сущность его концепции состоит в следующем. Обществу присуще фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворенность членов общества и проистекающая отсюда напряженность между индивидами и группами, обусловленная их чувственно-эмоциональной, психической расстроенностью, от случая к случаю разряжающаяся в их взаимных коллизиях. Поэтому социальный конфликт Козер сводит к «напряженности между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с чувствами известных групп и индивидов». Под социальным конфликтом он понимает «борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение противника» [9]. Сегодня, говоря о протесте среднего класса в России, мы можем наблюдать описанные Козером явления. Нельзя обойти вниманием и теорию такого классика, как Р. Дарендорф. Его работы во многом дают понимание процессам, протекающим в современном российском обществе. Дарендорф, изучая социальную организацию общества на разных уровнях человеческого общения, создал теорию императивно координированной ассоциации. Для нее характерно четкое разделение ролей и статусов ее участников. Основными ролевыми позициями являются позиции, обусловленные дифференциацией властных отношений. Это значит, что в любом обществе индивиды и группы выполняют определенные роли.

Власть дается избранным, и из-за этого распределения создается определенное соотношение авторитета и власти. Но сами по себе власть и авторитет – дефицитные ресурсы, поэтому за них идет постоянная борьба между отдельными индивидами и социальными группами. Исходя из этого, Дарендорф делает вывод, что основным источником возникновения конфликта является дефицит авторитета и власти.

Особенности протекания любого конфликта зависят от отношения и принадлежности к власти и авторитету различных ролевых подгрупп и личностей. Дарендорф выделил два основных типа ролей – управляемые и управляющие.

Управляющие стремятся к сохранению своего положения, а управляемые – к перераспределению власти или авторитета. Осознание противоположностей делит общество на конфликтующие группы, а решение конфликта ведет к перераспределению власти. Подобные перераспределения приводят к возникновению новых конкурирующих групп и сторон.

Развитие общества – это серии повторяющихся конфликтов за авторитет и власть. В теории Дарен-

дорфа источником конфликта выступают ролевые отношения в обществе и неравномерное распределение власти и авторитета, субкультурные причины.

Р. Дарендорф попытался выяснить, какие условия вызывают конфронтацию в группах людей, а также какие условия влияют на остроту конфликта. Для России в теории Дарендорфа наиболее важными представляются две вещи:

1) закупорка (блокирование) каналов восходящей вертикальной мобильности ведет к аккумуляции протестного потенциала;

2) наложение линий размежевания (кливажей) ведет к формированию масштабного и насильственного конфликта.

И то и другое есть и в России и не воспринимается как источник конфликта (или протеста) главным образом потому, что власть игнорирует эти закономерности.

Однако конфликты в обществе можно регулировать и управлять ими. Для этого существуют социальные институты, которые вырабатывают правила поведения для конфликтующих сторон [10].

Таким образом, мы видим, что политический протест выражает сложный, противоречивый, вихреобразный, нелинейный характер политического развития. Вне политического протеста в той или иной форме политическое развитие как реальный процесс не существует. Он присутствует в любой системе политических отношений, сопровождает развитие любого политического режима, и в то же время всякое изменение форм и методов проводимой политики неизбежно влияет на особенности существования и проявления состояний политического протеста.

Подводя итог, нужно сказать, что далеко не все измерения политического конфликта в обществе могут иметь прямое или косвенное влияние на работу политической системы и на политическое развитие, однако несомненно, что влияние это ощущается значительно. Структура социальных, культурных и политических противоречий, напряженности, простых различий во многом определяет стиль функционирования политической системы, а также характер ее структуры. И во многих случаях политический протест может положительно влиять на политическое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефанова Е. В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста / Е. В. Ефанова // Власть. – 2011. – № 8. – С. 30–33.
2. Савченко И. А. Политический протест в современном обществе : технологический подход / И. А. Савченко. – Режим доступа: <http://www.teoria-practica.ru/-2-2012/politics/savchenko.pdf>
3. Гарт Т. Этнический конфликт в мировой политике / Т. Гарт. – СПб. : Питер, 2011. – С. 120–121.

4. *Зеленков М. Ю.* Религиозные конфликты : проблемы и пути их решения в начале XXI века : политико-правовой аспект / М. Ю. Зеленков. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – 244 с.

5. *Никовская Л. И.* Гражданское общество и протесты : что за ними стоит? / Л. И. Никовская // Мониторинг общественного мнения. – 2012. – № 4 (110). – С. 5–13.

6. *Глухова А. В.* Политические конфликты : Основания. Типология. Динамика (теоретико-методологический анализ) / А. В. Глухова. – 2-е. изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 280 с.

Воронежский государственный университет

Столяров А. О., аспирант кафедры социологии и политологии

E-mail: a.stolyarov@instep36.ru

Tel.: 8-909-215-15-45

7. *Поздняков С. В.* Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук / С. В. Поздняков. – Ростов н/Д., 2002. – 26 с.

8. *Боулдинг К.* Конфликт и защита : общая теория / К. Боулдинг. – М. : АСТ, 2008. – 412 с.

9. *Козер Л.* Функции социального конфликта / Л. Козер. – М. : Идея-пресс, 2007. – 289 с.

10. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социол. исслед. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

Voronezh State University

Stolyarov A. O., Post-graduate Student of the Sociology and Political Science Department

E-mail: a.stolyarov@instep36.ru

Tel.: 8-909-215-15-45